

Существует легенда, что в правителях Запада течёт кровь цилиней[1]. Что земли эти, ныне утопающие в зелени и цветах, словно в драгоценных камнях, некогда поглотила борьба за власть — жестокая и кровопролитная, не щадящая ни людей, ни прочих тварей. Жители запада издревле верили, что красота своего края — изумрудным полям, благоухающим цветам и искристым хрустальным рекам — они обязаны именно этим созданиям. Рога, витые, изящные как ветви молодых персиковых деревьев; чешуя — переливчатая лазурь безмятежных озёр в розовом рассветном солнце; копыта — золотые самородки, сверкающие в лучах алого заката. Дыхание — тёплый весенний ветер, взгляд — синева безоблачного небосвода, а каждый шаг — само благословение и безмятежность.

Природа этих мест, спокойная и созерцательная; мягкий шелест трав, благодать тенистых фруктовых деревьев, переливчатое пение птиц — всё располагало к безмятежной гармонии и жизни в достатке и мире. Но природа людей всегда была иной — разрушительная, алчная до власти — она погрузила запад в пучину кровавых распрей и споров и том, кто же достоин зваться правителем и хранителем всех этих богатств.

— Разве может один человек присвоить себе всё? — Пытаясь вразумить разгорячённый народ, хрипел седобородый старец, опираясь на кривую ветвь персикового дерева, что служила ему тростью. Голос его шуршал как сухёные травы, что день ото дня он толлок в своих глиняных ступках. — Благодать этих земель никогда не принадлежала людям.

Старец был наполовину слеп и почти полностью глух, жил отшельником на самом отшибе деревни и редко интересовался происходящим за пределами своего дома, но искусно умел врачевать, а потому люди, каждый из которых был ему обязан, кто своей жизнью, кто жизнью своего ребёнка, обычно прислушивались к его ослабевшему с годами голосу.

— Верно говорит лао-Бин, — среди гомона голосов послышался женский, звонкий как горный ручей, — Нельзя нам богов гневить! Могущественный цилинь хранил эти земли задолго до нас! Пусть так и остаётся!

Гул усилился. Гремя грозными раскатами эхо его катилось по поляне, где проходило собрание. Собралось много жителей окрестных деревень и все они рассыпались как ягоды из опрокинутой корзины вокруг центрального костра, языки пламени которого игриво танцевали с порывами тёплого летнего ветра. Должно быть, спокойная и размеренная жизнь на протяжении многих лет так сильно им надоела, что, казалось, спор этот не сможет разрешить ни что на свете. Реки веками несут свои воды в одном направлении, но даже они со временем могут изменить русло. Что уж говорить о людях? Кровь в их жилах слишком горяча и поток её куда стремительнее — реке некуда спешить в своём течении, жизнь человека же слишком коротка.

Вечерело. Синевая безоблачная неба медленно густела, а народ на поляне всё продолжал спорить, крича и перебивая друг друга. И тогда один из деревенских старост, посоветовавшись с остальными, подошёл к костру, подбросил в огонь крупное растресканное полено — потревоженное пламя зашипело и выбросило в небо сноп мерцающих рыжих искр, привлекая к себе внимание.

— Наши земли во власти цилиня, это верно. — Зычным голосом говорил староста, крепкий мужчина почтенного возраста с тугим пучком поседевших волос на затылке. — Но как бы ни было велико его могущество, он лишь зверь, которого мы едва ли видели своими глазами. А потому, пусть правит тот, кто сумеет его изловить.

Решение это озадачило народ. Как поймать того, кто веками скрывается от людей? Легенды о

мифическом звере передавались от поколения к поколению, но на самом деле никто толком и не знал, существует ли он вообще. Решение старост казалось насмешкой, невыполнимым указом для отвода глаз, чтобы разгорячённая толпа успокоилась и река продолжила течь в своём глубоком вековом русле.

Цилинь вполне мог оказаться красивой сказкой, выдумкой предков, что убаюкивали ей детей — ловить его, всё равно, что собаке гоняться за собственным хвостом.

Но старосты были уважаемыми людьми. И народ прислушался.

И началась великая охота.

Легенда гласит, что природа цилиня настолько благородна и миролюбива, что даже шаги его не приминают травы. Хранитель жизни в любом её проявлении — как, должно быть, горько было смотреть на людей в тот момент. Алчущие взгляды, оскаленные рты и руки, омытые кровью соперников и безвинно убитых животных — оленей с раскидистыми рогами; коней, чьи подковы обманчиво блистали золотом в лучах заката. Изумрудное полотно шелестящей травы день ото дня всё сильнее покрывалось рубиновым крошевом вместо хрустальной утренней росы и казалось не будет конца этому безумию.

Великая охота захлестнула запад как сметающее всё на своём пути цунами. Люди, некогда жившие в гармонии с природой, превратились в безжалостных охотников словно по щелчку пальцев. В каждом доме точили стрелы, плели силки и собирали капканы. В каждом. Кроме одного.

В том доме пахло сушёными целебными травами, горячими глиняными горшками и чистой родниковой водой. В том доме с потолка сыпались сухие разноцветные лепестки, кружась в золотистом свете пробирающихся в окна солнечных лучей. В том доме жил старец со своим сыном.

Однажды вечером, возвращаясь от родника, сыну старца почудился зеленоватый всполох совсем рядом со стойлом для их старенькой, но верной кобылы. Оглядевшись, чтобы никто его не заметил, он прокрался поближе, заглянул за угол и так и опешил. Ведро ледяной воды выпало из вмиг ослабевших рук — рога, витые что ветви молодого персикового дерева; чешуя, что россыпь изумрудов и глаза — глубокая озёрная синева с золотыми монетами на самом его дне. Цилинь, до сего дня неуловимый и совсем сказочный, величественный, смотрел на него из темноты старого обветшалого стойла, и золото одного из передних копыт покрыто кровью. Должно быть, капкан, подумалось растерянному, едва дышащему от волнения, юноше. Подняв лежащее у ног ведро и заметив, что на самом дне осталось совсем немного воды, он медленно приблизился. Зверь из старых как сам мир детских сказок шумно фыркнул, совсем как их кобыла, когда приходится гружёной покупками с рынка подниматься в гору, но не отступил.

В тот вечер, сидя на сырой от росы земле и размачивая запёкшуюся корку крови на горячем, пульсирующем золоте, сын старца даже не задумался, что его помощь едва ли требовалась такому могущественному существу. Для него это было также естественно, как дышать. Он знал, что поутру найдёт в стойле лишь их старенькую, седогривую кобылку, да лужицу остатков родниковой воды. Но так ли это было важно? Зверь фырчал, тыкался носом в волосы, плавно качал в воздухе пушистой изумрудной кисточкой хвоста и наклонял изумлённо голову, когда человек перед ним улыбался. И это было важно. И это — было всем.

Когда кровь была смыта, а ночь черна как пролитая на пергамент тушь, цилинь опустил на

сено, изящно подогнув под себя ноги. Волшебный сон вдруг овладел человеком, тяжёлый, густой как терпкий цветочный мёд.

«На рассвете отправляйся в деревню. Скажи всем, что охота окончена».

Голос, прозвучавший в его голове, лился перезвоном горного ручья, шелестом молодой листвы на ветру, эхом пения птиц из цветущих кустарников. Голос не был ничем конкретным. Голос был всем на свете.

У сына старца не было громкого имени. Все звали его просто Ю[2]. Они с отцом жили обособленно, не принимая особенного участия в жизни общества, но после той ночи всё перевернулось с ног на голову. Алчные до власти люди запада склонились пред тем, кого ещё вчера едва ли замечали.

Когда первая волна потрясения схлынула, за ней пришла другая. Мифический цилинь обернулся прекрасной девушкой.

— Если люди так жаждут правителя из своего племени, — говорила она звонким голосом, — склонитесь перед этим человеком, ибо ему я отдам всю свою благодать. Остановите кровопролитие и сложите оружие и никогда более не позволяйте своим рукам поднять его, ибо истинная власть — это умение хранить мир и гармонию.

Так и был избран первый правитель запада. И, сочетавшись браком с могущественным зверем из старых легенд, правил он мудро, выше всего ценя драгоценный дар жизни.

А кровь цилиня нашла продолжение в его потомках, в безмятежном правлении которых шли века. Мирные века без войн и страданий. Но чем больше проходило времени, тем слабее становилась кровь цилиней в западных правителях. Разморённые спокойствием, разнеженные достатком этих благодатных земель, они всё глубже тонули в тёмных человеческих пороках и удовольствиях. Сладострастие, эгоизм и чувство собственного превосходства захватили их сердца. По заветам предков они более не брались за оружие, но власть их пришла в абсолют. Переувра саму историю своего же рода, мужчины возгордились, что один из них сумел подчинить себе такое некогда могущественное существо. После того, как цилинь обернулся прекрасной девушкой, к женщинам на западе стали относиться с особенным благоговением, но прошли века и это стало тревожить гордость и само мужское естество каждого правителя всё сильнее.

По заветам предков не разразилось ни войны, ни кровопролития.

Вопреки заветам предков из гнилого семени чёрным цветком проросло рабство.

Ан Гуанмин открыл глаза. Он уснул прямо на каком-то фамильном трактате о редких лекарственных травах — свитки, конечно, были невероятно ценными и содержали знания ещё со времён, когда «сын старца» даже не был князем, но чем порочнее становилась власть, тем более забытыми и ненужными они оказывались, покрываясь пылью и высцветая. Ан Гуанмин, не на шутку увлечённый врачеванием, дни напролёт сидел над ними, пытаясь восстановить и систематизировать. Часто это приводило к тому, что он совсем отрывался от реальности и засыпал прямо за столом, отчего потом затекали и ноги и спина, а на щеке частенько отпечатывались не успевшие высохнуть иероглифы, аккуратно нанесённые поверх старых. Неудивительно, что сны с картинками прошлого так часто ему являлись. Потерев щёку и обнаружив на пальцах чёрные разводы — в который раз — Ан Гуанмин сердито уставился на

свиток, старый и невероятно ценный — какая беспечность так неаккуратно с ним обращаться.

За окнами было темно; толстая свеча, мерно подрагивая рыжим пламенем, прогорела почти наполовину, палочка жасминного благовония и вовсе истлела, давно обратившись в пепел. Но за дверью покоев ещё слышались голоса прислуги и придворных лекарей, из чего можно было сделать вывод, что ночь ещё всё-таки не наступила. Скорее всего, поздний вечер, мысленно рассудил Ан Гуанмин и направился к низкому столику рядом с кроватью, где стояла плошка с водой — ему не помешало бы смыть с лица размазанную тушь.

Сны о прошлом всегда выбивали Ан Гуанмина из равновесия. После них он чувствовал себя разбито и очень мерзко. Хотя он и был наследником нынешнего князя, происхождение его не было высоким. Ему просто повезло родиться первым. Его отец, Ан Шуай[3], праздный мерзавец и любитель цветочных домов, просто забрал ребёнка из рук матери-рабыни, сильно впечатлённый рождением первенца. И хотя он признал Ан Гуанмина наследником и нанял лучших наставников, за любой проступок не гнушался отвесить оплеуху и напомнить о матери-шлюхе, хотя Ан Гуанмин не знал даже её имени. После этого он обычно плакал в самом дальнем и всеми забытом месте дворца — библиотеке, где и наткнулся однажды на старые свитки — легенды и сказки прошлого, история, травнические заметки — всё это так захватило его, что почти переросло в одержимость. Ан Гуанмин годами зачитывался ими и странная тоска день ото дня крепла в нём. Тоска по времени, которому он даже не был свидетелем. По времени, когда на западе действительно царили мир и гармония.

Став подростком, Ан Гуанмин окончательно осознал, что не хочет ни жить, ни править землями, погрязшими во лжи и пороке. Наставники, воспевавшие превосходство их рода над другими людьми оказались бессильны перед пыльными свитками, хранившими мудрость ушедших эпох.

— Если наш род и так всех превосходит, зачем мы подавляем, а не ведём за собой или не возвышаем других? — Наивно спросил он однажды отца, когда тот взял его в город, и все кланялись им земными поклонами, боясь поднять глаз.

Ан Шуай тогда зло посмотрел на него и промолчал, скрипнув зубами, а во дворце отвесил оплеуху такой силы, что щека потом горела ещё весь следующий день.

Это было первой ошибкой Ан Гуанмина.

Вторая случилась несколькими годами позже, когда Ан Гуанмин почти возмужал. Став выше собственного отца, он уже не так сильно боялся получить по лицу. Юношеская кровь горячила и тело и разум, и речи его становились смелее день ото дня. И глаза, синева с прожилками золота, всё яснее видели, насколько прогнившим был мир вокруг него.

— Так не может продолжаться, отец, — задыхаясь от волнения, говорил он, стоя прямо в центре княжеских покоев, пока тот сидел на кровати, растирая пальцами ноющие виски.

Любовь к посещению цветочных домов сыграла с Ан Шуаем, некогда первым красавцем запада, злую шутку. Он был ещё довольно молод, когда болезнь охватила его. В их библиотеке хранилось бесчисленное количество свитков по врачеванию, но вот ведь ирония — погрязшие в празднестве и удовольствиях, князья совсем перестали лично изучать дело своих предков, а придворные лекари, какими бы хорошими они ни были, не обладали ни талантом, ни необходимой хваткой. И пред ликом болезни оказались равны и «потомок цилиня» и безвольная бордельная девка.

— Разве такую жизнь завещали нам предки? — Продолжал сокрушаться Ан Гуанмин и синева

его глаз мутнела дымкой печали. — Разве цилинь, чья благородная кровь течёт в нас, хотела такой жизни для своего народа?

Ан Шуай устало прикрыл глаза, мутные, с изломанной сетью полопанных капилляров. Серебряная полу-маска с резными узорами пышных цветов блестела в свете свечей, скрывая обезображенное болезнью лицо[4].

— Я ошибся, забрав тебя. — Голос, приглушённый маской, звучал глухо и очень устало, но оттого не менее грубо и презрительно. — У меня раскалывается голова. Уйди с глаз моих, непочтительный сын. Умерь свои дикие речи! Не вынуждай меня отказаться от тебя и вышвырнуть обратно к рабыням, за которых ты так радеешь.

Ан Гуанмин не хотел сдаваться. Но едва он успел открыть рот, слова утонули в шорохе чужих одежд:

— Его Величеству пора провести процедуру.

Один из придворных лекарей вплыл в покои также размеренно, как плывут облака. Белые одежды с широкими рукавами, в руках глиняное блюдо с горкой красного крошева[5] — Ан Гуанмин проводил его взглядом, полным отчаянного раздражения, покачал головой и, развернувшись на пятках, стрелой вылетел из покоев.

С того дня положение Ан Гуанмина в качестве наследника пошатнулось. Отец стал присматриваться к окружению — у него не было недостатка в советниках, которые разделяли его убеждения.

Шли годы. Ан Шуай стараниями лекарей ещё держался — обезображенный внешне, прогнивший душой, с непредсказуемыми перепадами настроения, но живой и в относительно трезвом рассудке. Здоровье отца слабело, а убеждения сына крепили — в любой момент Ан Шуай мог назвать имя другого наследника. Ан Гуанмин чувствовал себя мухой, копошащейся в куче зловонного навоза.

Умыв лицо от размазанной туши, Ан Гуанмин прислонил тяжёлую от печальных мыслей голову к оконной раме и, прикрыв глаза, глубоко вздохнул. Окна его покоев выходили в сад — аромат цветущего жасмина, терпкий и слегка горьковатый приятно заполнил лёгкие, и расслабленная нега окутала напряжённое тело мягкими, заботливыми объятиями. Казалось, он мог бы простоять так вечность, но вдруг внизу ускользающее сознание заметило странное движение.

Ан Гуанмин встрепенулся, свесился, вглядываясь в вечернюю темноту, и бесшумно выскользнул из окна. Слух у него, с детства обученного заклинательскому искусству, был острым и чутким. Шуршали потревоженные кусты, кто-то бежал по извилистым, запутанным садовым дорожкам. Ан Гуанмин поспешил на звук и едва удержал в себе удивлённый возглас, когда в колени ему ударился ребёнок. Девочка не старше десяти с подпрыгивающим на бегу хвостиком чёрных волос испуганно смотрела на него снизу вверх бездонными чёрными глазами. Она совершенно точно не была дочерью кого-то из прислуги и Ан Гуанмин убедился в этом, заметив за её левым ухом розовый, чуть выпуклый шрам — рабское клеймо в виде пышного цветка — такие доставались работницам борделей и их дочерям. Но как она могла оказаться в дворцовом саду?

Девочка сжимала в руке красный бархатный мешочек до побелевших костяшек, что вызвало у Ан Гуанмина невероятное удивление — в таких мешочках хранилось лекарство его отца в медицинском павильоне. Секундное замешательство на лице девочки вдруг сменилось злобным оскалом и, пнув Ан Гуанмина, в ногу так, что он не смог сдержать болезненного шипения, она

вновь попыталась броситься наутёк. Но, конечно, Ан Гуанмин был быстрее. Схватив маленькую воровку за воротник, он скрылся за пышно цветущим кустом и присел перед ней, заглядывая в глаза — они совсем не по-детски горели решительностью.

— Моя тётушка больна! Совсем как князь! Я слышала как лекари обсуждали, что во дворце есть средство, но таким как мы оно не положено! Это несправедливо! Почему ему положено, а нам не положено?! Я просто хотела помочь!

Разразилась она тоненьким голосом на одном дыхании, под конец срываясь на всхлипы, чем полностью ошарашила Ан Гуанмина. От неожиданности он растерял все слова, глупо замерев с раскрытым ртом. Девочка перед ним вся сжалась, прижав к груди мешочек с заветным лекарством. Во рту Ан Гуанмина пересохло и голос никак не хотел складываться в слова. Слюна стала горькой до тошноты.

— Как ты смогла пробраться во дворец?

Девочка, поняв, что её пока не тащат за шкуру прямо к дворцовой страже, приосанилась, гордо вздёрнув острый подбородок.

— Я ловкая.

Ан Гуанмин рассмеялся. Но смех этот был печальным. Таким, за которым обычно стремятся скрыть слёзы.

— Как тебя зовут?

— Мама зовёт а-Ми.

Ан Гуанмин вздохнул. Погладил малышку по острому плечу и мягко ей улыбнулся. Задержался взглядом на красном бархате в тонких пальцах. Наследником такого мира он является? Мира, в котором маленькие девочки воруют лекарства, которые им «не положены»? Как потомки благородной крови дошли до такого? Нет, наследником такого мира он никогда не хотел бы быть.

— Послушай, а-Ми. Я выведу тебя отсюда, но больше так не делай. Твои мама и тётушка очень расстроятся, если ты попадёшься. Хорошо?

А-Ми закивала так часто, что её маленький хвостик сполз с макушки на затылок. Ан Гуанмин поднялся и протянул ей руку.

Просто идти по саду было небезопасно — Ан Гуанмину ничего не стоило перемахнуть вместе с девочкой через забор.

— Этого средства хватит на две недели. — Сказал он, опуская а-Ми на землю. — Потом я дам тебе ещё. Приходи на это же место. Запомнила?

А-Ми снова закивала. Благодарность в её глазах превратилась в хрустальные слёзы, побежавшие по щекам. У Ан Гуанмина сердце замерло от представшей картины.

— И запомни, а-Ми, — назидательным тоном продолжал он, вновь присев перед девочкой, — лекарство от яда отделяет всего одна лишняя капля.

А-Ми прижала мешочек к самому сердцу, поклонилась и, шмыгнув носом, скрылась в тених так

же быстро, как появилась. Действительно ловкая, с горькой улыбкой отметил Ан Гуанмин.

«Лекарство от яда отделяет всего одна лишняя капля».

Оказавшись в своих покоях, Ан Гуанмин провёл подушечками пальцев по выцветшим иероглифам старых свитков.

Отец в любой момент мог назвать имя другого наследника.

«Лекарство от яда отделяет всего одна лишняя капля».

В глубине души Ан Гуанмин уже знал, что ему следует сделать.

Комментарии и примечания:

[1] Цилян — мифическое существо, известное в китайской и других культурах Восточной Азии. Его иногда включают в перечень четырёх благородных животных наряду с китайскими драконом, фениксом и черепахой — вместо тигра. в данном тексте — вместо черепахи.

раньше, я говорила, что Ан Гуанмин — единственный из четырёх великих заклинателей прошлого, не получивший благословения священного зверя. и теперь могу сказать, что это не потому, что я его обделила, а потому, что оно ему не требуется. он ведь и сам, своего рода, священный зверь.

[2] иероглиф «Ю» в переводе означает «друг»

[3] Ан Шуай — «мирный красавец»

[4] речь идёт о сифилисе. о его запущенной стадии. Ан Шуай носит маску, скрывая тот самый знаменитый «сифилитический провал носа»; головные боли и перепады настроения — симптомы нейросифилиса.

[5] в стародавние времена, в том числе и в Китае, в лечении сифилиса применялось «окуривание ртутью». красный порошок на блюдце — киноварь (сульфид ртути), которая в древнем Китае считалась веществом, способным подарить чуть ли не бессмертие.

п.с. в этой главе есть ружьё, которое, я надеюсь, стрельнуло ☐

<http://bllate.org/book/14934/1323725>